

Хуа Хайцзюнь разглядывал в зеркале собственное отражение. Зелёная шевелюра, которой он так гордился, сегодня совсем не радовала — парень впервые в жизни оказался в столь дурацком положении.

Перед отъездом дядя строго-настрого запретил ему раскрывать себя. Чу Вэй ни в коем случае не должен был узнать, зачем тот явился в школу. Но не прошло и суток, как парень умудрился сболтнуть лишнего. Что теперь делать?

Дверь уборной была плотно заперта, а за ней стоял Чу Вэй, ожидая объяснений. Какую бы сказку сочинить, чтобы выкрутиться? Главное — не проболтаться дяде о своей оплошности, иначе пиши пропало.

Пока Хайцзюнь лихорадочно выдумывал оправдания, стоявший в коридоре Чу Вэй вдруг повернул голову в сторону учебного корпуса.

Там, где только что царила тишина, внезапно поднялся невообразимый шум. Крики доносились даже сквозь здание столовой, долетая до самого общежития. Случилось что-то из ряда вон выходящее.

Чу Вэй выскочил на улицу и быстро поднялся на крышу общежития. Шестиэтажное здание венчала открытая терраса, где обычно сушили бельё. Отсюда, поверх невысокой столовой, отлично просматривался учебный корпус.

Чу Вэй бросил лишь один взгляд вниз, замер на мгновение и тут же бросился обратно к лестнице.

На краю крыши четвёртого этажа стояла девушка. Силуэт показался ему смутно знакомым. Присмотревшись, он узнал её — это была Чжао Кэ, его одноклассница. Она собиралась прыгнуть.

Чу Вэй мчался быстрее ветра. Учебный корпус гудел — как раз прозвенел звонок с урока, и внутренний двор стремительно заполнялся толпой зевак.

— Чжао Кэ! Послушай меня! Что бы ни случилось, расскажи мне! Учителя помогут тебе со всем справиться! Пожалуйста, не делай глупостей, спустись!

Цзи Сюэпин была на грани истерики, на глазах её блестели слёзы. Она отчаянно кричала, то и дело оборачиваясь к коллеге:

— Вы позвонили в полицию?! Где они?!

— Уже едут, — отозвался тот, сжимая в руке старенький кнопочный телефон. — Главное — не дави на неё, не провоцируй. Я пока займусь остальными учениками, нужно увести их отсюда.

Чжао Кэ стояла на самом краю, не произнося ни слова. Она безучастно смотрела на бурлящую внизу толпу. Весь её облик дышал глухим, замогильным отчаянием, словно в этом мире её больше ничего не держало.

Кто-то из преподавателей протянул Цзи Сюэпин рупор. Как классный руководитель, она знала девочку лучше всех.

— Чжао Кэ, ты ведь всегда была такой умницей. Самой послушной, самой примерной девочкой в классе. Я всегда могла на тебя положиться. Пожалуйста, будь хорошей девочкой, спустись ко мне.

Чжао Кэ, до этого хранившая гробовое молчание, шевельнула губами. Её тихий голос едва ли можно было слышать с такой высоты:

— Послушной?.. Хорошей?.. Значит, раз я тихая и послушная, то должна молча терпеть все эти муки? Разве я это заслужила?

Направив духовную силу к органам слуха, Чу Вэй сквозь гомон толпы отчётливо разобрал её шёпот. Он поднял глаза на одноклассницу. В её зоре не осталось ни капли воли к жизни. Это не была глупая попытка привлечь внимание — девочка действительно пришла умирать.

Цзи Сюэпин снова поднесла рупор к губам, но Чу Вэй мягко перехватил её руку.

— Учитель, не нужно. Причина её поступка кроется в её семье и характере. Не говорите больше о послушании. Это её ранит.

Классный руководитель замерла, и в её голове начала складываться страшная мозаика.

Чжао Кэ была вторым ребёнком в семье: у неё были старший брат, а также младшие брат и сестра. Семья была огромной и беспросветно бедной. Все учебные расходы покрывались за счёт школьных субсидий. Круглый год девочка ходила в заношенной форме, обувь латали по нескольку раз, а порой ей приходилось донашивать грубые мужские ботинки за старшим братом.

В уездной глуши патриархальные нравы до сих пор правили бал. Девочек здесь редко баловали образованием; их участь — как можно раньше бросить учёбу, пойти работать и тащить на себе прожорливое семейство. То, что Чжао Кэ вообще умудрилась доползти до старших классов, уже было чудом. И не нужно было обладать бурной фантазией, чтобы понять, какой ад творился в её доме.

В классе Чжао Кэ была невидимкой. Молчаливая, незаметная, она никогда не лезла в чужие дела и не участвовала в школьных проказах. Училась средненько, звёзд с неба не хватала, а потому мало у кого вызывала интерес. И вот теперь эта тихая, безропотная девочка стояла на

краю бездны. Какой же невыносимой должна была стать её жизнь, чтобы смерть показалась ей единственным выходом?

Слёзы обожгли глаза Цзи Сюэпин. Дрожащими руками она снова поднесла к губам мегафон:

— Чжао Кэ, я знаю, как тебе тяжело. Но пока мы живы, всё можно исправить! Из любого тупика есть выход, глупенькая!

— Вы не поможете! — закричала в ответ девочка, содрогаясь от рыданий. — Никто мне не поможет! Вы ведь не я, вы даже представить не можете, через что мне пришлось пройти!

Тем временем несколько учителей осторожно пробрались на крышу учебного корпуса, стараясь подобраться к ней со спины. Заметив движение, Чжао Кэ резко обернулась:

— Назад! Не подходите! Сделайте ещё шаг — и я прыгну!

— Стой, стой! Мы уходим, видишь? Мы не подойдем! — закричали мужчины, пятясь назад и выставив ладони.

Пока Цзи Сюэпин судорожно подбирала слова, Чу Вэй решительно забрал у неё рупор. Он поднял голову. Солнечные лучи мягко очертили его лицо, придав ему почти неземное сияние, но взгляд его оставался глубоким и холодным, словно океанская бездна.

— Чжао Кэ, посмотри на меня.

Девушка опустила взгляд и сквозь пелену слёз встретила с ним глазами. На мгновение ей показалось, что мир вокруг замер.

Чу Вэй был местной легендой, недостижимым идеалом, в которого тайно вздыхали чуть ли не все старшеклассницы. Она не была исключением. Но Чжао Кэ всегда считала себя слишком серой и никчёмной, чтобы даже надеяться на его внимание. За два года они толком не обмолвились и словом — разве что когда он собирал тетради или раздавал проверочные работы. Ей казалось, он даже не знает, как её зовут.

— Я знаю тебя, Чжао Кэ, — раздался из динамика его спокойный, глубокий голос. — Я знаю, какая ты добрая и отзывчивая. Ты всегда тихо стираешь с доски, выносишь мусор и помогаешь другим так, чтобы никто не заметил. Ты замечательный человек, правда.

С каждым словом его взгляд становился всё более завораживающим, затягивающим, словно невидимый омут. Сердце Чжао Кэ забилось чаще. Он знает... Он всё это время видел её. Он считает её хорошим человеком.

— Поверь мне, ты ни в чём не виновата. И умирать должна не ты.

"Умирать должна не ты..."

"Девка никчёмная, я растил тебя столько лет, кормил, поил! А теперь, когда пришло время вернуть долг, ты смеешь кобениться?"

"Кэкэ, ты же видишь, как нам тяжело. Тот приличный человек готов дать за тебя двадцать тысяч юаней калыма. Двадцать тысяч! Ты хоть понимаешь, какие это деньжищи?"

"Твоему брату уже столько лет! Если он сейчас не женится, кто вообще пойдёт в нашу нищую избу?"

"Да никто не гонит тебя под венец прямо завтра. Сначала помолвку сыграем, а через полгода, как восемнадцать стукнет, и распишетесь."

"Старший муж — это же хорошо, ценить тебя будет, заботиться. Старый муж молодую жену всегда балует."

"Мама ведь знает, что ты у меня самая послушная, самая умненькая. Не переживай, я тебе половину этих денег отдам..."

Эти ледяные, безжалостные фразы душили её, затягивая в тёмную пропасть, из которой не было возврата. Слезы градом катились по её щекам.

— Поздно... — закричала она, задыхаясь от плача. — Всё кончено! Меня больше нет!

"Кэкэ, лапочка моя, дай братику тебя обнять... Младшие спят, они ничего не услышат."

"Отец с матерью сегодня ушли, я к тебе под одеяло лягу."

"Только пикни кому — я сразу скажу родителям, что ты сама меня соблазнила. Кому они поверят, мне или девке?"

"Брат ведь знает... Ты у нас самая послушная..."

Самая послушная. Самая покорная.

Картины прошлого проносились перед её мысленным взором, въедаясь в мозг, оставляя гноящиеся раны. Это позор, клеймо, которое не смыть ничем. Только смерть могла избавить её от этой невыносимой грязи.

Мысли путались, голова раскалывалась от чужого ментального давления. Чу Вэй, медленно поднимавшийся по лестнице на крышу, продолжал удерживать её сознание:

— Чжао Кэ, ты чиста. Твоей вины здесь нет. Виновны они. Если кто-то и должен понести кару, то почему ты? Разве злодеи не должны быть наказаны? Ты должна жить. Назло им. Смерть не решит твоих проблем, она лишь принесёт облегчение тем, кто причинил тебе боль.

В разуме девушки шла ожесточённая борьба. Она не заметила, как Чу Вэй уже бесшумно ступил на крышу и шаг за шагом приближался к ней. Внизу все замерли, боясь даже вздохнуть.

Чу Вэй действовал тонко. Он понимал, что обычными уговорами сломленного человека не спасти — её воля к смерти была слишком сильна. С самого начала разговора он применял технику гипноза, аккуратно внедряя в её сознание мысль о ценности жизни. На открытом воздухе, среди криков толпы, поддерживать трансовое состояние было крайне тяжело, поэтому ему требовалось подойти как можно ближе.

Расстояние между ними сократилось до пары метров. Ещё мгновение — и он сможет её схватить.

— Ах ты дрянь паршивая! Ты что там устроила?! Смертью вздумала родного отца пугать?! Прыгай, давай, прыгай, если смелости хватит!

— Доченька, одумайся! Спустись! Ты же мать живьём в могилу загонишь!

— Тварь неблагодарная! Я её кормил, поил, а она вон как отплатить решила! Знал бы, что такой вырастешь, ещё в колыбели своими руками придушил бы, чтоб хлеб зря не переводила!

Знакомые, полные яда голоса заставили Чжао Кэ вздрогнуть. Морок гипноза мгновенно спал. Она посмотрела вниз и увидела их: вечно пьяного, жестокого отца и забитую, безвольную мать, стоявших в толпе зевак.

В этот миг бездна окончательно поглотила её. Не проронив больше ни звука, Чжао Кэ сделала шаг назад и рухнула с крыши.

Чу Вэй понял, что опоздал, в ту самую секунду, когда раздался крик её отца. Но тело среагировало быстрее мысли. Метнувшись к краю, он в отчаянном прыжке перемахнул через парапет и в воздухе мёртвой хваткой вцепился в запястье падающей одноклассницы. Сила тяжести увлекла его вслед за ней.

Снизу донёсся оглушительный хор криков. Многие в панике закрывали глаза руками. Четвёртый этаж — шансов выжить при таком падении не было ни у кого.

Поймав девушку, Чу Вэй мгновенно оценил обстановку. Высота была пустяковой для практика его уровня, главное — в последний момент сгруппироваться, перенаправить кинетическую энергию и мягко приземлить Чжао Кэ на траву, погасив удар.

Но не успел он совершить маневр, как пространство вокруг пронзила мощнейшая волна чистейшей духовной энергии. Воздух словно загустел.

В следующую секунду Чу Вэй почувствовал, как чьи-то сильные, надёжные руки крепко обхватили его за талию, мгновенно останавливая падение.

Он резко повернул голову и встретился взглядом с невероятными, до боли знакомыми глазами.

— Шифу!

<http://bllate.org/book/19040/1943347>